

РЕПРЕССИРОВАННАЯ АФРИКАНИСТИКА

Каждому направлению науки, каждому рабочему цеху необходимо помнить свое прошлое, свои достижения и неудачи, свои трудности и трагедии. И судьбу тех, кто были до тебя мастерами и подмастерьями твоего цеха. Уроки прошлого нельзя забывать, иначе придется поплатиться чем-то в настоящем и будущем.

О достижениях отечественной африканистики известно немало. Статьи, отчеты, сводки. А вот о том трагичном, через что ей пришлось пройти?

Востоковеды очень тщательно подготовили и издали пятисотстраничный словарь востоковедов, которые были жертвами политического террора с 1917 по 1991 г. Петербургские востоковеды сочли нужным именно этим томом о трагических судьбах своих предшественников открыть серию «Социальная история российской науки о Востоке». В предисловии к тому сказано: «Смысл этой работы мы видели не только в том, чтобы отдать долг памяти российским ориенталистам, перемолотым жерновами бессмысленного государственного террора, но и в том, чтобы по мере возможности помочь преодолению давящего и стесняющего наследия прошлых десятилетий и способствовать адекватной реконструкции прошлого отечественной науки: напомнить о многообразных формах потерь и деформаций, внести справедливые коррективы в сложившуюся «иерархию имен», собрать под одной обложкой нуждающиеся в анализе и обобщениях факты, дать материал для построения объективной истории востоковедения в советское время. Своего рода сверхзадача настоящего издания — посылить содействовать объяснению историками будущего небывалой катастрофы, постигшей в XX в. Россию (условно можно пока определить происшедшее термином автогеноцид)» [Люди и судьбы 2003: 5].

Появилось и издание «Репрессированные этнографы». В предисловии сказано: «По данным А.М. Решетова, репрессии, начавшиеся еще в 20-е годы, затронули около 500 этнографов и ученых смежных специальностей. Многие из них погибли в этой кровавой мясорубке, другие, пройдя через тюрьмы, лагеря и ссылки, выжили

и после реабилитации вернулись в науку, но пережитое не могло не наложить отпечаток на их дальнейшую жизнь и деятельность.

Нравственный долг нынешнего поколения российских этнографов — вернуть из небытия незаслуженно забытые имена своих предшественников и их научные идеи, восстановить ранее замалчивавшиеся страницы биографий тех, кто прошел сквозь тернии сталинских репрессий. Это необходимо и как предварительное условие для воссоздания истории этнографической науки в СССР во всей ее полноте и доподлинности» [Репрессированные этнографы 1999: 3].

Среди многих подобных изданий можно отметить и вышедший в 2010 г. сборник «Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг.» [2010], и «Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР» [1995].

Но о трагедии отечественной африканистики пока известно совсем мало. Назвать можно некоторые сведения, собранные в коллективном труде «Становление отечественной африканистики» [2003], в сборнике, подготовленном Н.В. Громовой [Африканское языкознание в России 1998], в статьях А.Б. Давидсона [1995; 1996; 2004; 2010; Я вас люблю 2008], в уже названном словаре востоковедов.

В отличие от востоковедов и этнографов ни один из отечественных африканистов не опубликовал воспоминаний о тех событиях. Единственное исключение — мемуары венгра Эндре Шика [Sik 1988], который жил в нашей стране с 1915 по 1945 г. (его обычно у нас называли Андрей Александрович Шийк). Но и в его мемуарах эта тема затронута лишь косвенно (он пишет больше о судьбе венгров в СССР).

О трагедии отечественной африканистики говорит простое перечисление имен.

Расстреляны или погибли в тюрьмах и концлагерях в 1934–1941 гг. Георгий (Юрий) Евгеньевич Гернгрос, Георгий Константинович Данилов, Николай Михайлович Насонов, приехавшие в Москву южноафриканские коммунисты Лазарь Бах, братья Морис Рихтер и Павел Рихтер. Побывали в заключении Федор Степанович Гайворонский, Кирилл Николаевич Лукницкий, Эндре Шик. Были уволены с работы и изгнаны из африканистики Александр Захарович Зусманович (впоследствии он не избежал более жестоких ре-

прессий: пробыл в тюрьмах и лагерях с 1949 по 1956 г.) и Иван Изосимович Потехин (смог вернуться в африканистику только в конце сороковых). Судьбы нескольких человек не удалось выяснить, например Ильзы Карловны Рихтер.

К концу 1937 г. московская африканистика была полностью разгромлена. О ней можно сказать: унесенная ветром. Уничтожены или изгнаны были все, кто изучал социальные отношения в Африке, ее политику, экономику, культуру.

Что сохранилось и кто сохранился? Те, чьи научные интересы сосредоточивались в основном на лингвистике и философии (хотя и их репрессии не вполне обошли: языковед Г.К. Данилова уничтожили). В Ленинграде — Николай Владимирович Юшманов, Дмитрий Алексеевич Ольдерогге, Тамара Леонидовна Тютрюмова, Игорь Леонтьевич Снегирев (в 1945 г. он был арестован и в 1946 г. погиб в концлагере). В Москве — Петр Саввич Кузнецов (но от африканистики он в конце тридцатых годов отошел).

Так что в Ленинграде африканистика сохранилась, но в основном в сфере языкознания. В 1934–1939 гг. в Ленинградском университете по специализации «африканские языки» даже обучалась группа студентов.

Но в целом африканистика испытала на себе удар сокрушительный, намного страшнее, чем востоковедение. В отличие от востоковедения, у которого были давние традиции, африканистика еще только зародилась, возникла. Так что ее губили на корню. И она была так малочисленна, что московская часть — в то время основная — просто перестала существовать.

Конечно, африканистам досталось не из-за того, что они африканисты. Просто они попали под общий каток репрессий середины тридцатых. К тому же центр африканистики в Москве был создан в учреждениях Коминтерна, а Коминтерн стал тогда одним из главных объектов террора.

Что представляли собой люди, испытывавшие на себе все это?

По уровню образования очень разные. От Г.Е. Гернгросса и Э. Шика, хорошо знавших иностранные языки, до «выдвиженцев» — пришедших из рабочей и крестьянской среды без сколько-то значительной подготовки.

По взглядам? Это очень трудно установить. Положение в стране круто менялось в двадцатых и тридцатых годах — и не раз. Так что и взгляды их, наверное, менялись. Можно сказать, что октябрьский

переворот многие из них поначалу приняли с восторгом. Эндре Шик даже ушел из поезда, на котором австро-венгерские солдаты и офицеры, взятые в плен на фронте и затем освобожденные большевиками, ехали на Дальний Восток, чтобы кружным путем приблизиться к своей родине. Эндре Шик решил: как же так, ведь в России начинается революция. Он захотел принять в ней участие.

Не одного Эндре Шика, а и многих других захватила тогдашняя трагическая героика. Но как долго она в их сердцах и душах сохранялась при всех перипетиях сталинского времени? Очень трудно понять. И какой удар по их вере нанес развернувшийся террор? Федора Степановича Гайворонского из тюрьмы выпустили, он пошел на Отечественную войну. И как мне говорила его вдова, искал смерти. Погиб в первом же бою.

Люди были разные, взгляды тоже. Но центр африканистики в СССР был только один: кафедра африканистики в коминтерновском Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и тесно связанный с этой кафедрой Африканский кабинет Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. Так что если изучаешь Африку, податься в Москве больше было некуда. Разве только в Институт мирового хозяйства и мировой политики. Но там изучение Африки было на периферии научных интересов. (А в Ленинграде началось изучение языков, но первый центр возник только после Отечественной войны.)

Работа велась интенсивно. Выходили монографии, сборники, статьи в журналах.

Никто из сотрудников не бывал в Африке (хотя секретные агенты Коминтерна появились там с 1929 г.). Информацию они получали не только из западных изданий, но и от слушателей и студентов из Южной, Западной и Восточной Африки, которые приезжали в КУТВ.

Конечно, основная работа велась в соответствии с идеями Коминтерна. Но были и труды, выходившие за привычные коминтерновские рамки.

В предисловии Института мирового хозяйства и мировой политики к одной из книг Г.Е. Гернгросса сказано: «Предлагаемая вниманию читателей работа не отвечает всем требованиям, предъявляемым к марксистско-ленинским исследованиям колониальных стран» [Юг¹ 1931: 3].

¹ Гернгросс издавал свои книги под таким псевдонимом.

А выпуская монографию Эндре Шика «Расовая проблема и марксизм», Президиум коминтерновской Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП) в своем предисловии предупредил читателей: «Президиум считает, что у т. Шийка имеется ряд весьма спорных теоретических положений» [Шийк 1930: 6].

Не буду останавливаться на творчестве и биографиях этих людей. Если и не все, то многое можно найти в книгах «Становление отечественной африканистики» и «Люди и судьбы». Материал к биографиям я собирал по крупицам. Оставшиеся в живых рассказы вали неохотно. Больше всего услышал от А.З. Зусмановича и Э. Шика.

После разгрома московской части африканистика теплилась в Ленинграде, но почти исключительно в сферах языкознания и этнологии.

Не буду затрагивать темы о дальнейшей истории нашего цеха. Хочу сказать лишь, что трагедии, пусть и не столь ужасающие, бывали и потом. Это было уже на моих глазах.

В 1940-х историей Тропической и Южной Африки занимались только три человека. Все три — в Ленинграде. Михаил Борисович Рабинович, ученик Е.В. Тарле, защитил в 1941 г. кандидатскую диссертацию о предыстории англо-бурской войны; Вениамин Яковлевич Голант в начале 1949 г. — диссертацию о восстаниях в африканских колониях Германии в начале XX в.; Александр Лазаревич Витухновский в октябре 1949 г. — диссертацию «Россия и англо-бурская война».

Но Михаила Борисовича арестовали в апреле 1949 г. (вне связи с африканистикой). Реабилитировали в 1956 г. У Голанта отобрали степень вскоре после ее присуждения за то, что он не показал, как говорили тогда, «хищный оскал звериного лица американского империализма» в Африке первых лет XX в. Члены Ученого совета истфака Ленинградского университета, должно быть, понимали, что в начале XX в. Соединенные Штаты не вели в Африке сколько-то серьезной политики. Но 1949 г., холодная война — надо было всячески клеймить Америку. А.Л. Витухновскому защитить диссертацию дали, но в университете не оставили. Потом до конца своих дней он работал в Петрозаводске. Пользовался там уважением. Но

тему диссертации вынужден был оставить — материалов в Петро-заводске не было.

Ни одна из этих трех диссертаций так и не была опубликована, хотя все они этого заслуживали. Да и авторы, казалось бы, заслуживали лучшего к ним отношения. Все они прошли Отечественную войну.

Хотел бы сказать о судьбе человека, которого поколения отечественных африканистов считали своим патриархом, — о Дмитрие Алексеевиче Ольдерогге. Мы знаем его как учителя. Но вспомним, что и он прошел через горнило тридцатых — и уцелел, как он мне говорил, чудом.

А в дальнейшем — насколько ему, патриарху африканистики, удалось повидать Африку своими глазами? Несколько месяцев в Мали, несколько дней на фестивале в Дакаре и поездка в Эфиопию, где Хайле Селассие вручал ему награду. Вот и все.

Да и вообще в своей жизни он был, как говорили тогда, «выездным» только 12 лет: с 1956 по 1968 г. За последние почти два десятилетия жизни ему разрешили только одну краткую поездку — в Германскую Демократическую Республику. Никакой Африки. И никакого участия в тех международных конференциях, которые проводились за рубежом по африканистике, востоковедению, лингвистике, этнологии, истории. Получалось, что его мнение, его голос не нужны...

Встает законный вопрос: можем ли мы сейчас вполне компетентно и объективно рассматривать научное наследие Дмитрия Алексеевича, если не будем учитывать, в каких обстоятельствах и под какими запретами и угрозами оно создавалось? Это относится и ко всем, кого я перечислил выше, и ко многим, кого не перечислил.

Зачем я напоминаю обо всем этом — о трагедиях и несправедливостях?

Это помогает нам осознать, какой громадный ущерб был нанесен нашему цеху африканистов, каких достижений, успехов он был лишен.

Это помогает нам понять человеческие и профессиональные судьбы наших предшественников.

И главное — очень надеюсь, что если мы будем это помнить, то постараемся изо всех сил, чтобы такие трагедии и несправедливость не повторились.

Литература

Африканское языкознание в России. 30-е годы. М.: Издат. центр ИСАА при МГУ, 1998.

Давидсон А.Б. Африканистика, африканисты и африканцы в Коминтерне // Восток. 1995. № 6; 1996. № 2.

Давидсон А.Б. Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) // Портреты историков. Время и судьбы. М.: Наука, 2004 Т. 4.

Давидсон А.Б. Э. Шик; И.И. Потехин // Портреты историков. Время и судьбы. М.: Наука, 2010. Т. 5.

Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. 1917–1991. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

Репрессированная интеллигенция. 1917–1934 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

Репрессированные этнографы. М.: Восточная литература, 1999. (Повторное издание: 2002. Вып. 1; 2003. Вып. 2.)

Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х. М.: Наука, 2003.

Шийк А. Расовая проблема и марксизм. М.: Издание Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем. Вып. VI. 1930.

Юг. Британские колонии в Восточной Африке. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1931.

Я вас люблю. М.: МИК, 2008.

Sik E. Vinar a levelet... Budapest: Zrinyi kiado, 1988.